

Болѣ загадочнымъ является божество *Lutir*, о которомъ рѣшительно нѣтъ никакихъ другихъ указаній. Но и въ приуроченіи его культа къ Упсалѣ и въ приѣздѣ его въ каретѣ сказывается желаніе оставаться въ предѣлахъ исторической традиціи. Такъ, по свидѣтельству Тацита ¹⁾, богиня *Hertha* разъѣзжала по странѣ въ каретѣ, запряженной коровами. И вообще нужно думать, что поѣздки божества принадлежали къ языческому богослуженію. Но помимо этихъ чертъ божество *Lutir* совершенно обезлично. Столкновение его съ Гейдой описано въ такихъ туманныхъ образахъ, что дѣйствія божества совсѣмъ не выясняются. Но разсказчикъ достигъ своей цѣли: онъ связалъ поѣздку Гаука въ Біармаландъ съ приключеніями Гаука въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ намъ несчастный исходъ этой поѣздки вмѣшательствомъ божества. Намъ же, понятно, было бы интереснѣе узнать истинныя причины этой неудачи. Но о нихъ краснорѣчиво умалчиваетъ сага.

XLIX.

Послѣднія поѣздки въ Біармаландъ.

О нѣсколькихъ поѣздкахъ въ Біармаландъ упоминается также и въ сагѣ о королѣ Гаконѣ старомъ, который былъ сыномъ Гакона, сына Сверри. На двухъ корабляхъ отправились: *Andres af Sjömælingum* (*Smælingum*, *Sannmelingum*), *Sveinn Sigurdarson*, *Ögmundr* (или *Sigmundr*) *af Spanheimi* (*Spángheimi*) и многіе другіе. Андрей и Свейнъ возвратились осенью домой, но Огмундъ и остальные остались съ другимъ кораблемъ въ Біармаландѣ. Среди послѣднихъ по имени называется еще *Helgi Bográngsson*. Такъ какъ всѣ эти скандинавы въ сагѣ называются *Háleygir*, то мы въ правѣ заключить, что всѣ они были родомъ изъ Галогга-

¹⁾ Est in insula Oceani castum nemus, dicatumque in eo vehiculum veste contactum: attingere uni sacerdoti concessum. Is adesse penetrali deam intelligit, vectamque bubus feminis multa cum veneratione prosequitur. Læti tunc dies, festa loca, quæcunque adventu hospitioque dignatur. Germania, глава XL, стр. 312.

ланда. Огмундъ со своей дружиной еще осенью отправился въ Суздаль = Sudrdalaríki, гдѣ и остался. Другіе же поссорились съ королемъ біармійцевъ, который съ дружиной напалъ на нихъ зимой и перебилъ всѣхъ скандинавовъ. Узнавъ объ этомъ, Огмундъ отправился на востокъ въ Hólmgarđr, а оттуда все дальше на востокъ до самаго моря. По нашимъ географическимъ понятіямъ слѣдовало ожидать, что Огмундъ попалъ въ Балтійское море и такимъ путемъ возвратился въ Норвегію. Но рассказчикъ поясняетъ, что Огмундъ не успокоился, пока не достигъ Іерусалима. Во всякомъ случаѣ, путешествіе Огмунда пользовалось большой извѣстностью — *varđ hans ferđ allfræg*. Въ высшей степени для насъ любопытенъ маршрутъ Огмунда изъ Біармаланда въ Суздаль и Гольмгордъ, и обратно въ Норвегію, маршрутъ, о которомъ мы до сихъ поръ рѣшались высказаться только гипотетично ¹⁾. Но перечисленіе всѣхъ главныхъ участниковъ этого предпріятія и вообще точная освѣдомленность автора не позволяетъ намъ сомнѣваться въ историчности самихъ фактовъ. Кромѣ того, съ этой не совсѣмъ удачной экспедиціей связано воспоминаніе о другой болѣе славной поѣздкѣ ²⁾.

Выдающійся дружинникъ короля Гакона Андресъ по прованію ремень щита = *Andres skjaldarband*, принимавшій дѣятельное участіе въ конфликтѣ короля съ биркибейнами, и Иваръ съ Залива = *Ívarr útvík* (или *í Vík*) предприняли новую поѣздку въ Біармаландъ съ цѣлью отомстить за совершенное на участниковъ предыдущей поѣздки нападеніе. Такъ какъ цѣль этой поѣздки была карательная, то норманы не стѣснялись ни въ кровопролитіи, ни въ грабежѣ: *gerđu þar hit mesta hervirki í manndrápum ok ránum*. Ихъ чрезвычайно богатая добыча (*stórfé*) состояла изъ мѣховъ и чистаго серебра (*brenndu silfri*). Но несчастье преслѣдовало и эту экспедицію. Возвращаясь съ сѣвера, они попали въ сильное морское теченіе около мѣстности *Straumneskinnum*. Три корабля спаслось, но тотъ корабль, на кото-

¹⁾ См. выше, стр. 284—5, 334—41 и 431.

²⁾ *Fms.*, т. IX, стр. 319—320. *Flateyjarbók*, т. III, стр. 49—50.

ромъ находился Иваръ, такъ накренился, что перевернулся. Изъ экипажа этого корабля трое спаслись на киль: Иваръ, Югримъ и Гельги. Съ другого корабля, которымъ управлялъ нѣкій Торбергъ, спустили лодку, у которой тотчасъ же разбился носъ. Тѣмъ не менѣе Иваръ и Гельги благодаря этой помощи спаслись. Югримъ въ послѣднюю минуту вспомнилъ о своемъ товарищѣ Торстейнѣ, бросился въ водоворотъ и погибъ. Вмѣстѣ съ кораблемъ погибла и богатая добыча. Разсказавъ событія этой поѣздки, лѣтописецъ прибавляетъ, что послѣ этого путешествія никто уже больше не ѣздилъ изъ Норвегіи въ Біармаландъ: *hefir ekki verit farit sidan af Noregi til Bjarmalands*.

За свою неудачу Ивару приходится слышать не мало насмѣшекъ ¹⁾ и нужно думать, что общественная роль его вскорѣ стусевалась. разъ мы о немъ больше ничего и не слышимъ. Андресъ же предпринялъ поѣздку въ Св. Землю и тамъ пропалъ безъ вѣсти. Такъ какъ король его очень любилъ, то онъ написалъ письмо императору Фридриху II и другимъ заграничнымъ друзьямъ, чтобы они навели справки о томъ, что стало съ Андресомъ, но отвѣта не получилъ ²⁾. Поѣздка Ивара и Андреса относится къ 1222 году ³⁾.

Этими данными мы могли бы собственно покончить нашу исторію путешествій въ Біармаландъ, если бы не два краткихъ упоминанія, съ которыми необходимо считаться.

Послѣ паденія Олафа Святаго жители Залива выбрали королемъ сына Олафа Магнуса, жители Упланда—Гакона. двоюроднаго брата Магнуса. Въ то время, какъ соперничество между этими двумя кандидатами не привело еще ни къ какому результату, Гаконъ простудился во время охоты въ горахъ *Dofraffjall*, послѣ чего вскорѣ и умеръ. Ему всего было 35 лѣтъ. О немъ лѣтописецъ дѣлаетъ краткую замѣтку, что онъ ѣздилъ въ Біармаландъ и одержалъ тамъ большую побѣду ⁴⁾. Краткость этой замѣтки

¹⁾ *Flateyjarbók*, т. III, стр. 79.

²⁾ Тамъ же, стр. 100—1.

³⁾ Тамъ же, стр. 526.

⁴⁾ *Hkr.*, стр. 638. *Hann hafdi farit norðr til Bjarmalands, átti þar orrostu ok fekk sigr.*

*

не позволяеть намъ дѣлать никакихъ заключеній. Кромѣ того, мы и о самомъ Гаконѣ узнаемъ слишкомъ мало, чтобы хоть косвеннымъ путемъ составить себѣ какое-нибудь мнѣніе объ этой побѣдѣ.

Другое подобное же упоминаніе мимоходомъ встрѣчается въ сагѣ объ Эймундѣ. Главнымъ содержаніемъ ея служить вражда двухъ братьевъ Ярослава (Jarisleifr) и Борислава (Burisleifr). Въ первомъ сраженіи Ярославъ одержалъ полную побѣду и разсѣялъ все войско своего брата. Распространился слухъ, что Бориславъ погибъ. На самомъ же дѣлѣ онъ бѣжалъ и сталъ зимой собирать новое войско. Эймундъ увѣряетъ, что, насколько ему извѣстно, Бориславъ удалился въ Біармаландъ ¹⁾. На сей разъ Эймундъ совѣтуетъ Ярославу не выходить на встрѣчу врагу, но, напротивъ, ждать его въ укрѣпленномъ мѣстѣ. Когда Бориславъ со своимъ войскомъ началъ осаждать стоянку Ярослава, Эймундъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости: онъ просилъ женщинъ одѣться, какъ можно богаче и украситья всѣми драгоценностями, и затѣмъ выйти погулять въ такомъ нарядѣ, рассчитывая, что біармійцы при видѣ разодѣтыхъ женщинъ будутъ неосторожно приближаться къ лагерю. Они вѣдь такъ жадны до всѣхъ драгоценностей ²⁾. Этотъ планъ вполне удается. Бориславъ проигрываетъ и второе сраженіе и опять принужденъ бѣжать. Теперь всѣ его силы исчерпаны, и онъ скрывается въ лѣсу, пока его не находятъ и не убиваютъ Эймундъ и его мужи. Намъ уже нѣсколько разъ приходилось говорить о томъ, что скандинавы знали путь въ Біармаландъ черезъ Россію. Сосѣдство Россіи и Біармаланда—обычный мотивъ въ фантастическихъ сагахъ. Но не забудемъ, что здѣсь идетъ рѣчь о приведеніи цѣлаго біармійскаго войска въ Россію подъ начальствомъ русскаго князя. Въ правдоподобности такой черты у насъ есть полное основаніе сомнѣваться. Вѣроятно же всего, что Бориславъ сталъ во главѣ какой-нибудь другой, болѣе

¹⁾ svá er mér sagt, at Burisleifr Konúgr lifi í Bjarmalandi í vetr. Fms. t. V, стр. 279.

²⁾ þeir Bjarmar muni gjarnir til gersimanna. Тамъ же, стр. 280.

близкой къ Новгороду финской народности, которую скандинавы запросто прозвали биармійской. Составитель саги же, кромѣ того, основывался еще на готовой традиціи.

Л.

Забвеніе Біармалаида.

Между послѣдними походами и поѣздкой Торира прошелъ промежутокъ времени въ два столѣтія. Этотъ пробѣлъ указываетъ на то, что сношенія съ Біармалаидомъ стали крайне вялы. Затѣмъ послѣднія поѣздки уже не увѣнчивались тѣмъ успѣхомъ, какъ предпріятія Отера, Одда, Эйрика, Гаральда и Торира. Въ малочисленности и неуспѣшности послѣднихъ путешествій слѣдуетъ видѣть симптомы, ведущіе къ полному прекращенію этихъ сношеній. Поѣздки въ Біармалаидъ были не единичнымъ явленіемъ въ исторіи Норвегіи, а какъ бы продолженіемъ эпохи викинговъ, которая въ свою очередь была тѣсно связана съ общественнымъ порядкомъ скандинавовъ. Но систематическое выселеніе изъ Норвегіи лучшихъ и наиболѣе предпримчивыхъ людей не могло не подорвать жизненной энергіи всей націи. Кромѣ того, единовластіе подавляло тѣхъ немногихъ самостоятельныхъ герцовъ, которые не хотѣли оставить свою родину. Наступило время личныхъ счетовъ, мелкихъ интересовъ и мелкихъ людей; захватывающая сила широкой инициативы исчезла. Сношенія съ отдаленными краями прекращаются какъ бы самимъ собою. Большія колоніи, какъ, напимѣръ, Нормандія, теряютъ всякую связь съ метрополіей. Паломничество въ Св. Землю, которое всячески поощрялось церковью и духовенствомъ, направляется теперь по другому пути—черезъ среднюю Европу, въ то время какъ норвежцы раньше всегда шли моремъ. Изъ русской исторіи мы знаемъ, какъ къ тому же времени рѣдѣютъ ряды варяжской дружины и какъ вскорѣ память объ этихъ заморскихъ гостяхъ ограничивается лишь туманными о нихъ преданіями. Но самая обширная потеря—забвеніе тѣхъ

открытій, которыя были сдѣланы по ту сторону Атлантическаго океана. Такимъ образомъ, прекращеніе сношеній съ Біармаландомъ лежало, такъ сказать, въ порядкѣ вещей и обусловливалось прежде всего общественнымъ настроеніемъ норвежскаго народа.

Кромѣ того, и въ самомъ Біармаландѣ произошли перемѣны, которыя должны были неблагоприятно отозваться на поѣздки скандинавовъ. Русскіе купцы изъ Новгорода не могли, понятно, равнодушно смотрѣть, какъ скандинавы изъ двинскаго края вывозили мѣха и другія драгоценности. Около 1200 года основывается и укрѣпляется Устюгъ; отсюда уже возможенъ строгій надзоръ надъ бѣломорскою торговлей. Но русское вліяніе началось гораздо раньше. Само названіе Двины можетъ быть только русскаго происхожденія. Какъ извѣстно, финскія народности не признаютъ двухъ согласныхъ въ началѣ слова. Такъ какъ скандинавы переняли названіе Двины у финовъ-біармійцевъ, то у нихъ получилась форма *Vina*. Я думаю, что *Dvina* = *Düna* образовано изъ корня, который скрывается и въ обозначеніяхъ южнорусскихъ рѣкъ: Донъ, Днѣпръ = **Danaper*, Днѣстръ = **Danaster*; сюда же относится и Дунай = *Danubius*. Если, такимъ образомъ, русское вліяніе на сѣверѣ несомнѣнно могло сказаться уже до пріѣзда сюда скандинавовъ вообще, то болѣе острую форму это русское вмѣшательство приняло лишь впоследствии. Дѣйствительно, ни въ одномъ разсказѣ о Біармаландѣ не упоминается о столкновеніи съ русскими. Но что таковыя происходили, о томъ можно заключить по названію берега Ледовитаго океана — мурманскимъ. Уже первоначальная лѣтопись упоминаетъ намъ о Мурманяхъ и Урманяхъ. Мурманъ русское образованіе отъ скандинавскаго *porðmand* и соотвѣтствовало бы нашему слову «норманъ». Звукъ *d* и въ томъ и въ другомъ случаяхъ едва ли произносился, а о слышалось какъ русское *y*. Что касается замѣны первоначальнаго *n* черезъ *m*, то она вызвана редупликаціей и кромѣ того находитъ себѣ оправданіе въ чередованіи тѣхъ же звуковъ въ названіяхъ русскихъ мѣстностей. Ср. Нерль и Мерлино, Нерехта и Мереховица, Нерская и Мерская рѣка

и другія ¹⁾). Если бы русскіе не встрѣчали на сѣверѣ скандинавовъ, имъ никогда не пришло бы въ голову назвать сѣверный берегъ Колы — мурманскимъ. Мало того, на картѣ Меркатора, относящейся къ XVI вѣку, часть Ледовитаго океана къ сѣверу отъ Колы называется «мурманскимъ моремъ» и кромѣ того читаемъ тамъ такое примѣчаніе: *Murmanskoi more hoc est Norvegicum et Danicum mare quia Norvegos et Danos Russi Mowremans vocant* ¹⁾).

Немного заставляеть насъ задуматься замѣтка норвежскаго лѣтописца о томъ, что во время царствованія короля Гакона, т-е. въ первой половинѣ XIII вѣка въ Норвегію прибыли біармійцы, бѣжавшіе отъ татарскаго нашествія. Король крестилъ ихъ и далъ имъ для мѣстожителства фіордъ Малангръ ³⁾). Въ самомъ фактѣ сомнѣваться нельзя, но врядъ ли объясненіе мотива бѣгства правильно. Татары, насколько намъ извѣстно, не доходили до береговъ Бѣлаго моря. Гораздо вѣроятнѣе, что новгородскія дружины прогнали біармійцевъ. Норвежскій лѣтописецъ совершенно неумѣстно блеснулъ своей освѣдомленностью и замѣнилъ новгородцевъ татарами. Если уже біармійцы бѣжали въ Норвегію, то ясно, что ихъ господству на Двинѣ пришелъ конецъ. Но этому исчезновенію біармійцевъ способствовало не только распространеніе власти великаго Новгорода. Наряду съ подчиненіемъ бѣломорскаго края русской политикѣ шло также этническое передвиженіе. Въ краѣ водворяется новое племя зырянъ, которое во всякомъ случаѣ не состояло въ близкомъ родствѣ съ біармійцами. Въ то время, какъ послѣдніе поклонялись божеству Юмалѣ, зыряне не знаютъ вовсе такого имени ⁴⁾). Подъ вліяніемъ этого двойного натиска со стороны русскихъ и зырянъ біармійцы исчезли съ лица исторіи. Можетъ быть они удалились на западъ и тутъ слились съ другими, болѣе близкими, чѣмъ

¹⁾ Барсовъ, Очерки русской исторической географіи, стр. 52—4.

²⁾ Аленіусъ, стр. 131.

³⁾ Fmъ., т. X, стр. 152.

⁴⁾ См. статью Setälä въ запискахъ упсальскаго университета за 1887 г. стр. 95.

зыряне, финскими народностями. Странно то, что восточные финны, такъ называемые карелы, преимущественно коммерческій народъ. Издревле они ведутъ оживленную торговлю по всей Финляндіи. Въ нихъ мы узнаемъ тотъ этническій типъ, который такъ ярко представленъ біармійцами. Поэтому въ поискахъ слѣдовъ біармійцевъ прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на кареловъ.

Итакъ, настало время, когда Біармаландъ былъ преданъ полному забвенію. Но увлекаясь вѣрой въ постоянное расширеніе нашего умственнаго кругозора, мы не смѣемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы такіе важные результаты ознамененія людей съ земнымъ шаромъ, какими несомнѣнно являются открытія нормановъ, могли бы погибнуть безвозвратно. Какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и весь людской родъ нуждается въ отдыхѣ, въ извѣстномъ перерывѣ въ своихъ стремленіяхъ. Тогда забываются интересы, которые до того волновали широкіе круги общества, и меркнутъ истины, которыя долгое время служили путеводными звѣздами. Такъ цѣлые народы впадаютъ въ тупую апатію, такъ длинныя эпохи погружаются въ беспросвѣтную мглу неподвижной ночи. И сонъ человѣчества иногда тянется вѣками...

Но за каждой ночью загорается утро, каждая спячка прерывается пробужденіемъ.

Почти пять столѣтій послѣ того, какъ норманы блуждали вдоль береговъ Сѣверной Америки, Колумбъ посѣщаетъ Исландію и слушаетъ здѣсь рассказы о первыхъ открывателяхъ новаго континента. Тогда то и планы, и вычисленія флорентинца Тосканелли стали казаться ему вполне выполнимыми, и никакія сомнѣнія не могли разрушить его фанатическую вѣру въ успѣхъ предпріятія. И Америка была вновь открыта и на сей разъ вступила въ постоянныя сношенія съ Европой.

Въ 1553 году, т.-е. семь почти столѣтій послѣ того, какъ Отеръ огибалъ Нордкапъ, англійское правительство снарядило экспедицію изъ трехъ кораблей съ цѣлью найти путь черезъ Ледовитый океанъ въ Китай. Но буря разсыпала корабли, два изъ нихъ погибло и только одинъ достигъ

берега Бѣлаго моря. Капитанъ Ченселеръ (Chancelor) вошелъ въ Двинскій заливъ, на берегу котораго находился одинъ только монастырь Св. Николая. Разсказываютъ, что мѣстные жители до того были поражены появленіемъ большаго корабля, что бросились бѣжать, но англичанамъ удалось нагнать ихъ. Узнавъ о пріѣздѣ чужестранцевъ, Іоаннъ Грозный пригласилъ ихъ въ Москву и оказалъ имъ самый радушный пріемъ. Такимъ образомъ, завязались дружественныя отношенія съ англійскими купцами. Вскорѣ за ними стали наѣзжать и голландцы. Главнымъ мѣстомъ торговли служило опять, какъ и въ старину, Колмогоры. Прошло немного времени, и въ той мѣстности, гдѣ былъ расположенъ вышеназванный монастырь, возникъ городъ Архангельскъ.

Эти факты относятся уже ко второму фазису сношеній западной Европы съ сѣверной Россіей. Двинскій край подвергается эксплуатаціи большихъ торговыхъ націй новаго времени, и движеніе это организуется согласно прогрессу нашей техники. Передъ гигантскими пароходами, регулярно посѣщающими не только Бѣлое море, но и Новую Землю, и Шпицбергенъ, передъ лѣсопилками, дымищимися уже на берегу Колы и южнѣе, понятно, блѣднѣютъ тѣ экспедиціи, которыми мы занимались въ предыдущихъ главахъ. Но не забудемъ, что и эти поѣздки въ концѣ концовъ служили той же культурной цѣли, о которой говоритъ Эдуардъ VI въ письмѣ своемъ къ Іоанну Грозному:

«Господь вселенныя разсѣялъ дары Его благости, чтобы народы имѣли нужду другъ въ другѣ, и чтобы взаимными услугами утверждалась пріязнь между людьми».